

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КРЕСТЬЯНСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ СССР В 1920 – 30-е гг.

Ключевые слова: политическая культура; крестьянство; революция; тоталитаризм.

Аннотация: Рассматривается понятие политической культуры и его эвристические возможности в историческом исследовании генезиса тоталитаризма в СССР.

Изучение духовного измерения социальной жизни – структур массового мышления и стереотипов поведения людей – имеет богатую историографическую традицию, но не имеет устойчивой методологической основы. В отечественной историографии оно, в разное время и с разной степенью успешности, базировалось на категориях «общественного (политического) сознания», «исторической (социальной) психологии», «менталитета (ментальности)», концепциях мифа и т.д. Говоря о политической истории, я предлагаю использовать понятие политической культуры, понимая под ним духовную составляющую политического режима. Это не просто новый термин для старой идеи. Политико-культурный подход в своем классическом варианте, который мной и подразумевается, делает акцент на поведенческом аспекте. В отличие от него, в центре внимания нашей историографии всегда было содержание общественного сознания, «картина мира». Именно ее пытались реконструировать по источникам и тем или иным образом структурировать. Однако установки сознания раскрываются в деятельности людей. Мысли, идеи, мифы, проекты и прочие ментальные явления не имеют непосредственного воплощения, даже если они овладевают массами. История есть воплощение человеческой деятельности, которая отлична от исходных мотивов, замыслов, представлений, не тождественна им.

Каким образом возможно эмпирическое изучение политической культуры в историческом исследовании? Изложу свое видение на трех примерах.

1. Изучая отношение российского крестьянства к политическим партиям в 1905–07 гг., можно искать в источниках вербальные выражения такого отношения. С точки зрения теории общественного сознания, этого достаточно. Но можно поставить вопрос иначе и обратить внимание на отрицательные коэффициенты корреляции между численностью партийных организаций в губерниях Европейской России и долей занятых в сельском хозяйстве среди

---

¹ Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат исторических наук, Россия, г. Рязань, временно не работающий; reputwjd68@mail.ru; 8-906-646-36-11.

населения губерний. Этот эффект оказывается характерным для всех партий: РСДРП – (-0,77); ПСР – (-0,75); «кадеты» – (-0,82); «октябристы» – (-0,87); СРН – (-0,14)². Из этого следует, что партии вообще были явлением городским, крестьянство в массе своей стояло вне партийной политики, и при изучении «отношения» крестьян к партиям и их программам следовало бы в первую очередь учитывать эту черту крестьянской политической культуры. Данный тезис укладывается в выводы исследования О.Г. Буховца по материалам крестьянских приговоров и наказов, что крестьянское движение в годы первой революции имело «почвенный», деревенский характер, питалось собственными мотивами, а не политической агитацией извне³.

2. Для изучения общественного сознания и повседневности нэповской деревни историки часто обращаются к многотысячному фонду писем в «Крестьянскую газету»⁴. Очевидно, что газета в 1920-х гг. воспринималась как специфический орган центральной власти; письма в газету были обращениями к власти. В историографии используется как направленный отбор этих писем для публикации и цитирования, т.е. традиционный иллюстративный метод⁵, так и социологический подход – механическая выборка и количественный анализ неких текстовых единиц⁶. Оба они имеют право на существование и в идеале должны дополнять друг друга. Однако итоги этих исследований до сих пор, по сути, не выходили за рамки констатации крайней мозаичности крестьянского менталитета.

Политико-культурный подход в данном случае предлагает рассматривать сам факт массовой переписки граждан в малограмотной стране с властью и газетой, олицетворявшей власть, как весьма своеобразный феномен политической культуры. При этом политические ориентации корреспондентов раскрываются не только и не столько содержанием писем, сколько мотивами посылки того или иного письма. Соответствующие классы писем я предлагаю интерпретировать как пласты политической культуры. Мой опыт работы с данным источником позволяет выделить несколько основных мотивов письма как поступка. Посылка агитационной заметки или письма-рассуждения доморощенного теоретика в духе официальной идеологии являют собой демонстрацию поддержки режима. Их мотив: «Я – свой». Таких писем меньшинство. Львиная доля писем представляет собой разные формы просьб,

² Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–07 гг.: численность, состав, размещение // История СССР. 1990. № 4. С. 80 (таблица, строка 13).

³ Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в России в начале XX в. М., 1996. С. 226–227, 326–327 и др.

⁴ См.: Кузнецов И.А. Фонд писем «Крестьянской газеты»: источниковедческий аспект // Вестник МГУ. Сер. 8. 1999. № 2. С. 70–84.

⁵ См.: Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002 и др.

⁶ Ибрагимов Д.Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997. С. 45–105 и др.

обращенных к власти: а) о помощи – «сделайте (дайте) мне (нам)»; б) доносы – «накажите их»; в) частные юридические и иные запросы – «ответьте мне». Тематика их необъятна. Особый пласт писем – рассуждения о политических и экономических проблемах, ориентированные на поиск диалога-дискуссии с властью. Их мотив я бы выразил так: «Выслушайте нас». Учитывая, что почта «Крестьянской газеты» исчислялась сотнями тысяч писем в год, преобладание в ней названных мотивов позволяет сделать некоторые предположения о характере политической культуры крестьян в целом.

Запечатленные в письмах установки образуют тот тип политической культуры, который принято именовать этатистским или подданническим, подразумевающий ориентацию на активность государства, а не граждан, готовность возлагать на государство ожидания и ответственность за решение максимально широкого круга вопросов, в том числе выходящих далеко за рамки политической сферы. Лишь в части писем с мотивацией диалога-дискуссии можно отыскать следы альтернативной, гражданственной политической культуры – готовность к равноправным отношениям с властью, может быть, даже готовность воспринять начала парламентаризма.

3. В современной историографии коллективизации принято рассматривать статью Сталина «Головокружение от успехов», опубликованную 2 марта 1930 г., как реакцию на рост крестьянского сопротивления. Осуждение «перегибов», приостановка насильственной коллективизации и раскулачивания представляются своевременным маневром, позволившим избежать «всекрестьянского восстания»⁷. Историки зачастую присоединяются к оценке ситуации, данной в закрытом письме ЦК ВКП (б) от 2 апреля 1930 г.: «Если бы не были тогда /в марте – И.К./ немедленно приняты меры против искривлений партлинии, мы имели бы теперь широкую волну повстанческих крестьянских выступлений, добрая половина наших низовых работников была бы перебита крестьянами...» и т.д. Однако объективность этой оценки вызывает сомнения, ибо она предназначалась для самооправдания Сталина перед теми самыми «низовыми работниками», которых он своей мартовской статьей подставил под удар волны крестьянского протеста. Обращение к статистике антиколхозных выступлений рисует более сложную картину, чем привычная схема: рост протеста – уступка властей.

По сведениям ОГПУ, за 1930 г. в СССР произошло 13754 «массовых крестьянских выступлений», что беспрецедентно много⁸. Хотя очевидно, что все социальные процессы в деревне того года развертывались на фоне

---

⁷ Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х гг. // Судьбы российского крестьянства / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 270, 275 и др.

⁸ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. М., 2000. С. 802 (таблица).

«сплошной коллективизации», непосредственно на долю коллективизации приходится 7382 бунта (53,7 %). Главный интерес представляет разбивка по месяцам. В январе зафиксировано 158 выступлений на почве коллективизации, в феврале уже 723, однако в марте наблюдается мощный всплеск – 5010 бунтов, что в 5,7 раза больше, чем за январь и февраль вместе взятые. В апреле произошел спад – 789 выступлений, что все же больше уровня февраля. Таким образом, на март приходится 68 % всех антиколхозных бунтов, а считая вместе с апрелем, – 78,5 %. Если сталинская статья и начавшееся за ней отступление коллективизации были вызваны резким нарастанием социального протеста в январе-феврале и имели целью успокоить деревню, то надо признать, что их ближайшим результатом стал еще больший рост социального напряжения. Объяснения данного парадокса в работах, освещающих крестьянскую «культуру сопротивления»⁹, я не нашел.

Историки отмечали, что фактически, несмотря на осуждение «перегибов» на словах, весь март местные власти по инерции продолжали прежнюю линию, и реальная остановка насилия над крестьянством произошла лишь в апреле или позднее. Поэтому данные о бунтах за март они считают возможным приплюсовывать к цифрам зимних месяцев как единое свидетельство нарастающего крестьянского движения протеста. Однако есть основания полагать, что антиколхозные выступления марта-апреля имели иной характер, чем в январе-феврале. Статья Сталина, если и не сразу подействовала на «низовую аппарат», то мгновенно сработала в крестьянском сознании. Прочитав ее, колхозники бросились выходить из колхозов. Местные власти пытались препятствовать им, поэтому возникали инциденты, которые статистика ОГПУ заносила в разряд массовых выступлений. Волна бунтов марта-апреля 1930 г. – это в большинстве случаев не что иное, как стычки местных начальников с крестьянством на почве развала созданных зимой колхозов. «Головокружение от успехов» давало крестьянству моральную санкцию на бунт, легитимировало в его глазах антиколхозные выступления, вот почему именно после выхода в свет этой статьи крестьянское движение приобрело невиданный размах, при том, что всё прочее в социально-политической атмосфере деревни оставалось в марте без изменений по отношению к февралю. До 2 марта выступление против коллективизации означало выступление против политики советской власти (компартии). После 2 марта, наоборот, выступление против насильственно созданного колхоза означало поддержку новой политики, политики добровольности и постепенности, а противниками линии партии теперь оказывались низовые работники, превратившиеся в «перегибщиков». Без такого рода санкции «сверху» крестьянство, к сожалению, оставалось весьма

---

⁹ Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. М., 2010.

пассивным перед лицом государственной политики, которая противоречила интересам подавляющего их большинства. Такое политическое поведение также присуще подданнической политической культуре. Полагаю, преобладание в крестьянском менталитете подданнической культуры, а не «культуры сопротивления», и привело в итоге к поголовному включению крестьян в колхозы. Вспышки протеста подобные марту-апрелю 1930 г. больше никогда не повторялись.

С этой точки зрения иначе видится давний вопрос о соотношении крестьянского менталитета и сталинского тоталитарного режима: было ли крестьянство жертвой режима, или олицетворяло альтернативу режиму, или оно являлось той социальной почвой, на которой режим вырос? Думается, сталинский режим, за исключением крайних, террористических своих проявлений (которые могут быть объяснены, как порождения гражданской войны), вполне гармонично вписывался в традиционную политическую культуру российского крестьянства. Тоталитаризм и крестьянский менталитет соотносятся сложнее, чем категории причины и следствия, но они, несомненно, образуют некую целостность, связность. В конечном счете, закономерно, что политическая культура крестьянства, составлявшего большинство общества, была ментальной основой политической системы страны на протяжении большей части XX в.

Kuznetsov Igor Anatolyevich, Russia, Ryazan.

The political culture of the peasantry and the Soviet regime during the 1920s and 1930s.

Key words: political culture, peasantry, revolution, totalitarianism.

Abstract: This articles deals with the concept of political culture. It seeks to evaluate the heuristical range of that concept for historical investigations on the genesis of Soviet totalitarianism.